
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Представляем материалы 24-го заседания научного семинара “Современные проблемы развития”, который возглавляет д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН В.Г. Хорос. Заседание было посвящено проблеме зависимости от предыдущего пути (эффекта “колеи”). В данном номере журнала публикуется статья А.А. Аузана, в ее основу положен доклад, сделанный на заседании. На семинаре состоялась дискуссия, в которой приняли участие: д.э.н., гл.н.с. ИМЭМО Е.А. Брагина, д.полит.н., руководитель центра ИДВ РАН А.В. Виноградов, д.э.н., зав. сектором ИМЭМО В.А. Красильщиков, д.э.н., профессор, зав. кафедрой ИСАА МГУ В.А. Мельянцева, В.Г. Хорос, д.э.н., профессор, руководитель центра ИЛА РАН П.П. Яковлев.

РАЗВИТИЕ И “КОЛЕЯ” ЗАВИСИМОСТИ

© 2017 г. А. Аузан

АУЗАН Александр Александрович, доктор экономических наук, профессор. МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46 (auzan@inp.ru; dean@econ.msu.ru).

Статья поступила в редакцию 23.05.2017.

Долгосрочная экономическая динамика обнаруживает проблему перехода на высокую траекторию экономического развития и показывает, что негативная динамика, характеризующаяся замедлением экономического развития, может иметь глубокие основания в эффекте “колеи”, то есть в удержании страны на низкой траектории экономического развития. Такая ситуация возникает в результате воздействия как собственно институциональных, так и культурных факторов (неформальных институтов). Задача состоит в том, чтобы не только зафиксировать, найти, но и понять, как можно использовать, менять характеристики, связанные с неформальными институтами. При этом преодоление эффекта “колеи” предполагает как переход к существенно иной стратегии экономического развития, так и изменение на соответствующих уровнях институтов и культуры. В статье предложено авторское понимание предпосылок и контуров таких изменений.

Ключевые слова: человеческий капитал, неформальные институты, культурный капитал, экономическое развитие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105

До того, как появились формулировки, связанные с проблемой зависимости от “колеи” предыдущего развития (*path dependence problem*), до того, как Дуглас Норт получил Нобелевскую премию за создание теории институциональных изменений, в науке было своеобразное предчувствие этой проблемы. На мой взгляд, эту проблему в разных вариантах ставила русская философия Серебряного века. Здесь можно назвать три фамилии: марксиста Георгия Плеханова, философов Георгия Федотова и Николая Бердяева. Каждый из них по-своему фиксировал эту проблему на основе русской истории. В частности, Плеханов довольно ясно высказывался о том, что можно назвать институциональными факторами развития России, потому что он говорил о специфике русского крепостничества как не феодализма, а другой системы. А Федотов говорил по существу о социокультурных причинах: о московитском типе и т.п. и о том,

как он возобновляется. К сожалению, это были гипотезы трудноверифицируемые, потому что для такой верификации нужны какие-то количественные описания.

Давайте посмотрим, как обстоит дело с количественными описаниями. На мой взгляд, большую роль здесь сыграли работы Ангуса Мэддисона, опубликованные уже в начале 90-х годов XX в. [1]. Его расчеты ВВП и душевого ВВП с конца XVIII до конца XX вв. засвидетельствовали явный отрыв стран Западной Европы, а также ее заморских ответвлений (*western offshoots*) в лице США, Канады, Австралии и Новой Зеландии от остального мира по этим показателям начиная с первой четверти XIX в. Причем этот отрыв увеличивался на протяжении почти двух столетий. И лишь во второй половине XX в. к этим странам присоединились Япония и четверка “тигров” – Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань.

- Возможность ошибки первоначального институционального выбора.
- Пример: расхождение траекторий Англии и Испании в XVII-XIX вв., обусловленное контролем над налоговой системой – королевским в Испании и парламентским в Англии.
- Пример: ретрансляция расхождения траекторий в Северной и Южной Америке под влиянием культурных традиций.
- Предположение: институты (как стандарты) определяют выбор траектории, а устойчивой “колеи” ее делает культура.

Рис. 1. Долгосрочные последствия случайного выбора: институты
Источник: [2].

Будем считать, что это – исторические счастливицы, и траекторию их движения обозначим *A*. Остальные двигались по траектории *B*. Соотношение числа стран, где развитие выражается каждой из этих траекторий, – соответственно 25 к 175. То есть 25 – на траектории *A* и 175 – на траектории *B*. И, на мой взгляд, проблема темпов роста – это не проблема как расти, а проблема как не допускать падения. Стоит напомнить, что, например, Китай, находясь в непрерывных гражданских войнах в 1898–1949 гг., а затем в состоянии экспериментов (“большие скачки” и т.д.), падал так катастрофично, что его рост за последние 20 лет пока не очень сильно поправляет его длительную траекторию.

Отклонения от траектории *B* редки и еще не стали устойчивой тенденцией. Так, по ситуации на 2015 г. Таиланд вряд ли может рассматриваться как успешный пример модернизации. Малайзия же движется достаточно хорошо. Но лишь лет через 15 можно будет вынести окончательное суждение касательно этих стран.

Итак, сегодня у нас есть инструменты, количественные параметры, которые позволяют проверить, действительно ли те или иные предположения выражают некий реальный исторический и экономический процесс. Но как происходит этот процесс? На сей счет есть доминирующие гипотезы. Среди них необходимо отметить гипотезу Д. Норта [2, 3], суть которой представлена на рис. 1.

Я напомню, что Д. Норт это исследование проводил на двух примерах: Англия, Испания (с XVI по XIX вв.) и южноамериканские и североамериканские республики (с XVIII по XX вв.). Норт определил, что в XVI в. Испания и Англия находились примерно на одинаковых уровнях развития, решали примерно одинаковый набор задач: создание заморских империй, переход к мануфактуре, борьба королей и парламента. Обычная экстраполяция привела бы к тому, что они в XIX в. будут находиться на сопоставимом

уровне. Однако в этот период видно огромное различие. Англия – первая страна на планете без всяких оговорок, центр империи, над которой никогда не заходит солнце, мировая промышленная и научная мастерская. Испания – одна из самых отсталых стран Европы. В чем дело? Д. Норт показал, что религиозные и прочие различия сработали позже, потому что в XVI в. англиканство в Англии не сильно отличалось по своим предписаниям от католичества в Испании. Сработала случайная институциональная ошибка: налоги в Англии в результате политической борьбы парламента и короля попали в руки парламента, и это дало колоссальный результат. А в Испании налоги попали в руки короля, и это означало большой минус. Причем тогда еще не было великих английских экономистов, которые могли сказать, что очень важно, чтоб налоги были в руках и под контролем налогоплательщика, каноническим примером чего явилась Славная революция 1688 г.

Случайный институциональный выбор запускает некоторую траекторию, но чем она удерживается? Норт утверждает, что она удерживается культурой, то есть не формальными институтами, а ценностями, поведенческими установками. Доказательством для него стало то, что северо- и южноамериканские республики, не имея этой проблемы с налогами, повторили различную динамику своих культурных “родителей”. То есть южноамериканские республики, имевшие более прогрессивную систему формальных институтов (после боливарианских революций), тем не менее не справились с конкуренцией. Для Д. Норта это – показатель того, что эффект “колеи” (*path dependence problem*) срабатывает именно таким способом. Ошибка первоначального институционального выбора, случайная ошибка, закрепляется в ценностях, поведенческих установках (неформальных вещах, иными словами) и тем самым вероятность ее преодоления становится чрезвычайно низкой.

Рис. 2. Корейский естественный эксперимент

Общество “Ограниченного доступа”	Общество “Открытого доступа”
<ul style="list-style-type: none"> • Элиты создают законы для других и исключения для себя • Коммерческие, политические и некоммерческие организации создаются вокруг персон и умирают вместе с ними • Инструменты насилия распределены между группами элит 	<ul style="list-style-type: none"> • Элиты создают законы для себя, распространяя их на других • Коммерческие, политические и некоммерческие организации переживают своих создателей • Элиты совместно осуществляют контроль над инструментами насилия

Рис. 3. Преодоление эффекта колеи: три пороговых условия
Источник: [5].

А вот иллюстрация из книги Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона “*Why nations fail?*” [4] по Южной и Северной Корее (рис. 2).

Это довольно чистый эксперимент. В Корее нация с единой культурой, экономикой и промышленностью разделяется, строит разные институты, и очевидно сильно разнящиеся результаты как на графике, так и на аэрофотосъемке.

Мне кажется, наиболее серьезным исследованием последнего десятилетия в рассматриваемой нами области стала все же не самая читаемая книга Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, а работа Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста “*Насилие и социальные порядки*” [5]. Она представляет собой, на мой взгляд, расширенную гипотезу Д. Норта, которая показывает, как и почему происходит это расщепление. И основана эта книга на очень интересных и парадоксальных идеях о том, что в принципе более трудно объяснять развитие, чем отсталость. Именно отсталость является правилом, если пристально смотреть на эту ситуацию. Переход от одного социального порядка к другому чрезвычайно сложен — это 50 лет чистого времени, это не две траектории, а два социально разных порядка. Но мне кажется, что главный результат этой теории — в граничных условиях (рис. 3).

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст произвели анализ на примерах Франции, Англии, США (который теперь расширяется на *case studies* теми, кто принял их методологию). Он позволил выделить, где начинается выход из “колеи”, и те граничные условия социальных порядков, которые, с одной стороны, удерживают, а с другой — дают, в случаях их изменения, стартовое ускорение. Некоторые из этих граничных условий ожидаемы, а некоторые неожиданны. Например, принципиально важным оказалось, как элиты контролируют насилие — делят они инструменты насилия между собой или кооперативно контролируют. Принципиально важным оказалось, строятся ли организации (политические, коммерческие, некоммерческие) под одного человека или они деперсонализированы. Ожидаемо то — и это весьма значимо и видно из истории, например английской, — что элиты могут поступать двумя способами: либо писать законы для других, а для себя исключения, либо писать законы для себя и распространять на других. Кстати, обратите внимание, в Советском Союзе (который, видимо, достиг пика развития в 60-е годы XX в.: космос, взлеты искусства и т.д.) коллективный контроль средств насилия был достигнут после Сталина. Даже Жуковым, “маршалом победы”, пожертвовали,

чтобы был коллективный контроль. Была ли деперсонализация? Конечно, деперсонализация была. Ленин умер – партия живет. Сталин умер – партия живет. Чего не было достигнуто? Условия, связанного с законами, – писать законы и для себя. Видимо, эта попытка была предпринята уже при М.С. Горбачеве. Но и тут она не осуществилась в полной мере, хотя мы были очень близки в этой фазе к реализации того, что было вскрыто Д. Нортгом, Дж. Уоллисом, Б. Вайнгатом как граничные условия открытого общества.

По Д. Нарту, закрепление этих изменений происходит в сфере неформальных институтов. Институциональная ошибка также отпечатывается там. Как это происходит? Здесь надо обратиться к статье А. Бизина и Т. Вердье о культурной трансмиссии [6]. Согласно Т. Вердье и А. Бизину, ценности формируются двумя способами: вертикально, когда прежние поколения передают, опираясь на прагматизм прошлого исторического периода, то, что вряд ли сработает в будущем, а также горизонтально, когда новое поколение пытается воспринять ценности путем случайных испытаний в случайных контактах. Но при таком механизме культурной трансмиссии ошибки не исправляются или, по крайней мере, исправляются очень долго. Стоит упомянуть две работы, в которых подробно рассмотрено, как происходит эта культурная трансмиссия и каковы ее последствия.

Первая работа – Натана Нанна по исследованию работорговли и ее последствий в XXI в. для Африки [7]. Вторая написана Е. Журавской, И. Гросфельдом, А. Роднянским [8] о последствиях так называемой черты оседлости.

Натан Нанн, гарвардский профессор и глава журнала “*Economic development*”, показал, как изменяется уровень доверия в африканских странах. Он выяснил, что низкий уровень доверия точно совпадает с зонами охоты за рабами, которая закончилась в начале XIX в.

Два века прошло с тех пор, но резкие различия доверия сохраняются в зависимости от того, где была охота за рабами, а где нет. Прямая историческая память, видимо, утрачена, но вот неформальные поведенческие институты, сформированные в период работорговли, живут поныне.

Черта оседлости в Российской империи была отменена в 1905 г. и относилась к ряду районов нынешней России, Украины, Белоруссии, Литвы и Молдовы. В районах, которые входили в черту оседлости, гораздо хуже отношение населения к предпринимательству и рынку, но при этом выше доверие к “своим”. Те же районы, рядом расположенные, где не было черты оседлости, показывают радикально другие результаты. Выступая в МГУ, Альфредо Бизин привел пример по Италии. Выяснилось, что те деревни, в которых во время средневековой эпидемии оспы (“черной смерти”) ее причиной считали евреев, распространявших чумной яд, в 40-е годы прошлого века, на последнем этапе итальянского фашизма, когда была немецкая оккупация, евреев выдавали. В соседних деревнях их прятали – там за 600 лет до этого не считали, что евреи виновны в “черной смерти”. Таким образом, существуют очень длинные инерционные волны культурной трансмиссии.

Как и в какой степени культурные волны могут преодолеваться? Здесь, в отличие от случая Кореи, где огромную роль сыграло разделение двух ее частей, можно обратиться к истории реинтеграции Германии [9]. Замеры, связанные с тем, как с падения Берлинской стены идет процесс реинтеграции, дают такую картину (рис. 4–5):

Идет ли сближение двух частей Германии? Да, идет. Но и различие продолжает воспроизводиться, причем в младших поколениях, то есть в тех, которые не имели опыта проживания в ГДР. И если говорить о темпах, то процесс сближения, если он будет

- Берлинская стена и ее разрушение как естественный эксперимент – искусственное разделение культурно однородного населения.
- Опросы 1997 и 2002 года относительно предпочтений о необходимости государственного вмешательства для экономической защиты безработных, пенсионеров, больных и т.д.
- Жители восточных областей сохраняют значимые отличия от сверстников из западных областей, несмотря на единые экономические условия.
- Опросы 1997 и 2002 года фиксируют постепенное сближение. Необходимо примерно 40–60 лет (время взросления двух новых поколений), чтобы различия между западной и восточной Германией исчезли.

Рис. 4. Берлинская стена и культурные сдвиги
Источник: [9].

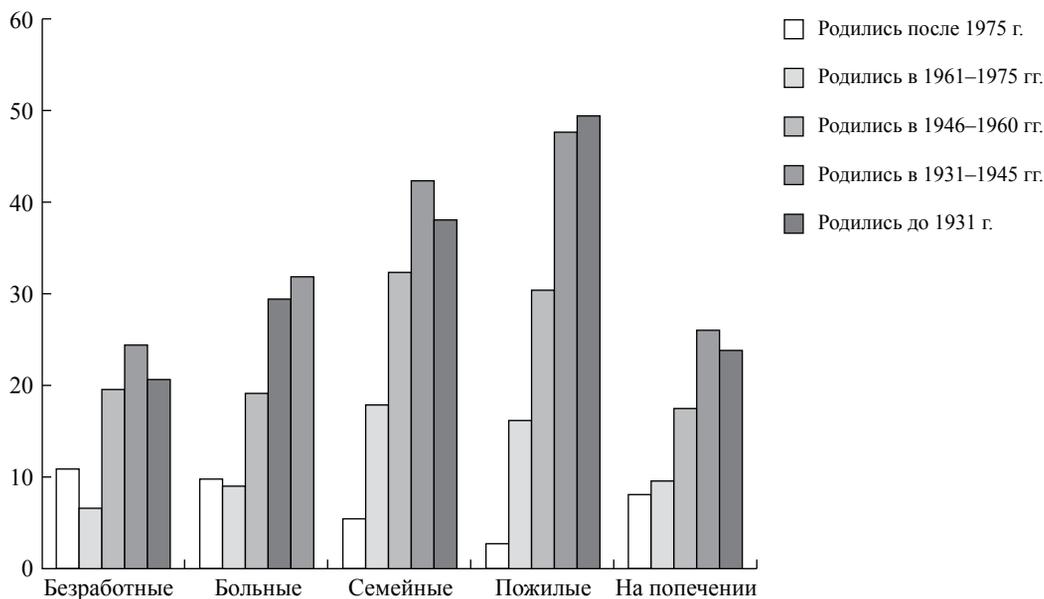

Рис. 5. Превышение доли положительных ответов о необходимости государственного вмешательства в восточной Германии по сравнению с западной, %

идти как идет, в целом займет от 40 до 60 лет. То есть примерно два поколения нужны для того, чтобы какие-то значимые изменения наступили, если этим заниматься целенаправленно. Если не заниматься, — то вспомним А. Бизина и Т. Вердье, — может пройти и 200 лет, и 300, и 500. Оливер Вильямсон полагал, что 1000 лет — это естественный срок преодоления укорененных социокультурных установок, если никакого целенаправленного воздействия не существует.

Что все это означает для России? Вот интересный, как мне кажется, результат опроса членов Экспертного совета при Правительстве РФ, который был проведен в 2015 г. (его проводили мои коллеги по Институту национальных проектов, который с 2000 г. работает над этой проблематикой).

Вопросы задавались такие: куда вы полагаете нужным инвестировать? И куда, на ваш взгляд, вероятнее всего будут инвестировать? Эксперты довольно дружно считают, что образование и здравоохранение — преимущественные объекты инвестиций. Инфраструктура — на втором месте. На инвестиции в оборонно-промышленный комплекс — 17%. А каковы реальные наметки по инвестированию? Здесь картина совсем иная. Минимальные инвестиции в образование и здравоохранение — лишь 6%, в дороги и инфраструктуру все же больше — 13, и 59% — прогноз по инвестициям в оборонно-промышленный комплекс (рис. 6). Существует удивительно широкий консенсус, когда и руководитель администрации президента, и лидеры внесистемной оппозиции говорили: “Человеческий капитал — наше будущее”.

И президент, и премьер об этом говорят. То есть главное — образование и здравоохранение. Но реально инвестиции идут не туда. Почему? Ответ на это дает опрос о так называемом горизонте планирования, горизонте принятия решений (рис. 7).

Объяснение этим данным достаточно простое. Инвестиции в человеческий капитал раньше, чем через 10 лет, результатов не дают. Если у вас лишь трехлетний горизонт планирования, вы, исходя из вполне рациональных соображений, в человека не инвестируете. С инфраструктурой уже сложнее. Там тоже не сразу наступает эффект, но зато там есть приятные последствия в виде строительных подрядов. А вот оборонно-промышленный комплекс дает очень быстрые политические эффекты, к тому же инвестиции сюда осуществляются в условиях гораздо более низкой прозрачности, и, с точки зрения политического эффекта, при коротком горизонте принятия решений — это нужное и правильное инвестирование. Получается, что мы хотим “идти туда” — и регулярно идем в другую сторону. Почему? Потому что начинают работать определенные ценностные предпосылки. Одна из них — это, так сказать, длина жизнеориентации. Существует набор ценностей, желательных для процесса развития. Они вытекают из анализа успешного опыта восточных модернизаций (стремление к самореализации, а не выживанию; индивидуализм вместо коллективизма; долгосрочность ориентации на развитие и др.). Но в российской ситуации реально будут действовать другие установки — надежды на поддержку со стороны государства, следование традициям, готовность общества сплотиться

Рис. 6. Эффект “колея”: иллюстрация

Источник: Исследование Института национальных проектов по результатам опроса Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, 2015 г.

Рис. 7. Горизонт планирования

Источник: Исследование Института национальных проектов по результатам опроса Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, 2015 г.

вокруг своего лидера, склонность населения, скорее всего, приспособившись к тому, что делает власть, и проявлять терпение.

Ценности, институты и рост связаны между собой непростым образом. Приблизительно известно, какие институты нужны для инвестиционного роста. Но у меня при этом существуют серьезные сомнения, что эти институты могут привиться сегодня в России. Потому что может происходить их отторжение или перерождение, если при этом не гармонизируются формальные и неформальные институты. В этом отношении о многом говорит рис. 8.

Почему я беру именно показатель запроса на демократию? По Д. Аджемоглу и Дж. Робинсону, с этого, с инклюзивных политических институтов начинается рост. Посмотрите, что происходит. 2011 г. — в России электоральный кризис, приближаются протестные выступления на Болотной. Но, согласно опросам, мы стоим по запросу на демократию ниже Китайской Народной Республики, ниже всех развитых стран. Почему? Посмотрите, на рисунке дано сопоставление по социокультурным критериям Г. Хофстеде. Это, можно сказать, кардиограмма неформальных институтов. Средний столбец — так они выглядят в России. Здесь же даны Германия, Швеция, США, страны с высоким запросом на демократию. И Россия — с самым низким показателем. Что же может у нас тормозить запрос на демократию? Большая дистанция власти от общества (представление о том, что я не могу повлиять на власть). Избегание неопределенности (“Не открывайте эту дверь, — там может оказаться страшное”, “Не меняйте этого человека — будет хуже”). Естественно, что в этих условиях активное использование демократических институтов, скорее всего, будет сталкиваться с серьезными проблемами и издержками.

Степень признанности еще одной ценности, если речь идет о готовности к экономическому рывку, — важности усердной работы или удачных связей для успеха — иллюстрирует рис. 9.

Насколько люди верят в то, что работать надо? Опять Россия имеет самый низкий показатель по сравнению с тремя западными ведущими странами и тремя восточными. У нас больше распространено представление, что усердная работа обычно не приводит к успеху, для него нужны удачные связи. Точно так же мы уступаем другим обществам по такому измерению Хофстеде, которое неудачно называют “маскулинность”, — оно расшифровывается как готовность доводить дело до конца.

Итак, имеются некоторые количественные характеристики, которые показывают, что в России будут проблемы с приживанием институтов, способствующих инновационному росту. Значит ли это,

что к выполнению такой задачи не надо приступать? Нет. Но нужно решать взаимосвязанно несколько проблем — и начинать с неформальных институтов в школах.

Вот прекрасный тест Магнуса, Полтеровича, Данилова, Савватеева [10], сделанный по четырем странам (рис. 10).

Ситуация, известная каждому: один ученик списал у другого, третий донес учителю. Отношения в разных странах к этому разные. Тест нужен для того, чтобы показать различие неформальных институтов в тех или иных обществах. Везде довольно дружно осуждают доносчика, но у нас его осуждают более резко, а американцы говорят “ну, вообще-то нехорошо”. Также довольно дружно осуждают того, кто списал. Но американцы осуждают очень сильно, а наши говорят “ну, не надо было списывать”. А вот различие, заметное в отношении к тому, кто дал списать. Наши и израильтяне говорят: “Ничего, нормально, он же помог не чужому”. Голландцы в такой оценке не уверены, а американцы резко против. О чем речь в данном случае на самом деле? О школе? Отнюдь не только. В более широком плане это — отношение к правам интеллектуальной собственности. Это — отношение к конкуренции потому, что школьная работа — конкурентная ситуация, а в списывании нарушаются правила конкуренции. Это — отношение к норме права потому, что она для всех одинакова (или своим можно нарушать, а чужим нельзя?). Здесь имеется целый пучок вопросов, связанных с пониманием институтов.

А вот общий итог исследования, которое провел наш Институт национальных проектов в МГУ по тесту Магнуса, Полтеровича, Данилова, Савватеева по 20 российским университетам. Среди студентов третьего курса проводился опрос с целью выявить их отношение к списыванию. Единственный вуз, в котором, по результатам опроса, продолжают осуждать того, кто списал, — Московский государственный университет. А в остальных вузах говорят: “нормально, он же свой”. Это означает крайне низкий спрос на институты, нужные для инновационного роста! Причем это спрос не актуальный, а потенциальный, он будет проявляться опосредованно. Вот точка, в которой мы находимся. Как из нее выходить?

Во-первых, есть понимание того, что преодоление инерции прошлого происходит, хотя это работа минимум на 25 (а возможно на 50) лет для выхода из “колеи”. Во-вторых, принципиальное значение имеет горизонт планирования элит, что показывают опыты модернизации. Так или иначе, модернизаторские элиты принимали длинный горизонт планирования. Конечно, не всегда — например, в том же Китае, при Мао Цзэдуне был лозунг “10 лет упорного

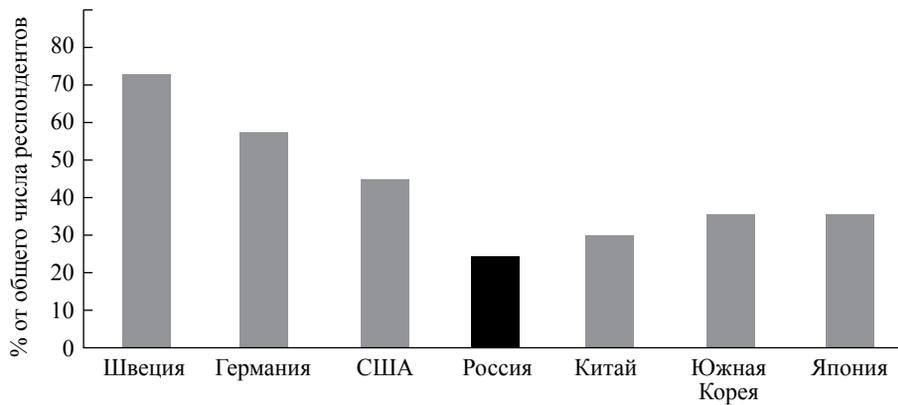

Рис. 8. Институты и ценности: спрос на демократию
Источник: *World Value Survey*, 2010–2013.

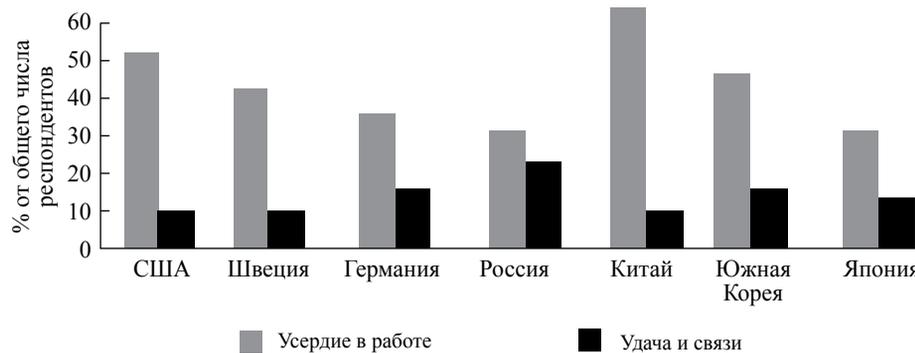

Рис. 9. Институты и ценности: важность усердной работы или удачи и связей для успеха
Источник: *World Value Survey*, 2010–2013.

Оцените свое отношение к поступкам студентов от -2 (крайне отрицательно) до +2 крайне положительно, 0 – нейтральное отношение.

	Студент А списал	Студент В дал списать	Студент С сообщил учителю
Россия	-0.24	0.52	-1.78
Израиль	-0.50	0.25	-1.15
Нидерланды	-0.83	-0.05	-1.36
США	-1.35	-0.88	-0.25

Рис. 10. Институты и ценности: спрос на правила
Источник: [10].

труда – 10 000 лет процветания”. Дэн Сяопин нарисовал перспективу, что через 40 лет Китай достигнет уровня среднеразвитой европейской страны. Похожие процессы были в других странах.

Что это дает для осмысления нашей ситуации? Я убежден: чтобы элиты в России имели длинные горизонты, нужно активировать те их интересы, которые связаны с долгосрочными интересами самих элит. Есть

ли такие интересы и проблемы? Да, конечно. Например, проблема наследования – тяжелая проблема. Проблема преемственности власти – нерешаемая в нынешних условиях. В условиях переплетения власти и бизнеса попытка абсолютизировать прерогативы власти может быть чревата уничтожением и бизнеса, и общественного равновесия в обществе. Это контрпродуктивно. И чтобы элиты исходили из длинного горизонта

процессов развития, они должны учитывать то, что произойдет с ними, с их детьми, с их внуками, с их активами — и встраивать это в намечаемые преобразования.

Другой момент, который кажется мне важным. Речь идет о внедрении нестандартных институтов. Когда у вас нет спроса на стандартные институты, способствующие тому или иному развитию, вы должны использовать нестандартные институты, смысл которых в том, что они учитывают культурные ограничения для процессов развития, но смягчают их. В частности, принципиальное значение имеет дизайн налоговой системы в стране. Россиянин реально платит 48 копеек с рубля. У нас практически европейский уровень налогообложения. Выше американского. А по видимости — лишь 13%, подоходный налог. Все остальное — акцизы, пошлины, налоги, которые вводит администратор. У человека нет ощущения, что он как-то вкладывается в производство общественных благ и, тем более, что имеет возможности влиять на него. Поэтому я считаю и необходимым, и вполне реальным, что в России будет использоваться так называемое селективное (хотя, наверное, правильное называть “элективное”) налогообложение, когда налогоплательщик в состоянии голосовать рублем за то или иное направление вложений. В разных вариантах этот опыт присутствует — как церковный налог во многих странах, как социальный налог. Например, в Исландии это налог, который позволяет человеку заплатить либо церкви, либо университету на науку: потому что, в общем, и религия, и фундаментальная наука — вещи трансцендентальные. Какой налог платить? Это — выбор уже самого налогоплательщика. Поэтому мы с коллегами предлагаем: давайте дадим

возможность 10% от подоходного налога вложить либо в Академию наук, либо в университеты, либо в конфессию, которую вы хотите поддержать.

Кроме налогов, есть еще некоторые институты, которые воздействуют довольно эффективно на изменение отношения к развитию, к государству. Можно указать на три сферы, где создаются неформальные институты, ценности и поведенческие установки: школа, тюрьма и армия. Вы спросите: “А телевидение, а Интернет?” Но здесь есть принципиальное отличие — ведь никто не заставляет граждан висеть в социальных сетях. Никто не заставляет граждан включать телевизор. А вот в школу надо ходить. В армию забирают. И в тюрьме люди тоже находятся не по своему выбору. Эти три сферы были, есть и, видимо, будут весьма серьезными трансляторами ценностей и поведенческих установок. И важно понять, как та или иная сфера воздействует на набор ценностей и поведенческих установок. Всем этим надо серьезно заниматься, чтобы решить проблему выхода из “колеи” низкой экономической траектории. Станислав Ежи Лец сказал точно: “Будущее нужно постоянно вызывать из небытия, прошлое приходит само”.

Что касается России, то у нее есть шанс на будущее, но только отдаленное. Пока же нас ожидают непростые времена. Я не очень верю в то, что в краткосрочном и даже среднесрочном периоде мы сможем совершить какие-то прорывы. Но это совершенно не означает, что вообще не сможем их сделать. Надо попытаться самим для себя принять долгосрочную ориентацию, потому что без этого вряд ли возможен выход из “колеи”, а с принятием долгосрочной ориентации, я считаю, он не просто вероятен, а он рано или поздно произойдет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Maddison A. A Comparison of Levels of GDP Per Capita in Developed and Developing Countries, 1700–1980. *The Journal of Economic History*, 1983, vol. 43, is. 1, pp. 27–41.
2. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. *THESIS*, 1993, т. 1, вып. 2, сс. 69–91.
3. North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.
4. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail?* New York, Crown Publishers, 2012. 571 p.
5. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки*. Пер. с англ. Москва, Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с. [Eng. Publ.: North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2009.]
6. Bisin, A., Verdier, T. The Economics of Cultural Transmission and Socialization. *NBER Working Paper*, 2010, no. 16512. 106 p.
7. Nunn N., Wantchekon L. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review*, 2011, December, pp. 3221–3252.
8. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent Antimarket Culture: A Legacy of the Pale of Settlement after the Holocaust. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2013, August, vol. 5, no. 3, pp. 189–226.
9. Alesina A., Fuchs-Schündeln N. Goodbye Lenin (or Not?): The Effect of Communism on People. *American Economic Review*, 2007, September, vol. 97, no. 4, pp. 1507–1528.
10. Magnus J.R., Polterovich V.M., Danilov D.L., Savvateev A.V. Tolerance of Cheating: An Analysis across Countries. *The Journal of Economic Education*, 2002, vol. 33, no. 2, pp. 125–135.

PATH DEPENDENCE PROBLEM AND POSSIBILITIES OF ITS OVERCOMING*(World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 10, pp. 96-105)**Received 23.05.2017.**Aleksandr A. AUZAN (auzan@inp.ru, dean@econ.msu.ru),**Lomonosov Moscow State University, build. 46, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.*

The transition from a developing, peripheral type of society to a developed economy presupposes certain conditions, including the spreading of liberal values in the peripheral society – individualism and personal activity, the spirit of competition, readiness to compete, the rejection of state paternalism, and the establishment of real democratic institutions. According to the author, these values and institutions are not yet being planted in Russia. Hence, the discrepancy between what is declared and what is actually done in practice. To change this situation, first, it is necessary that political and business elites are interested in modernization. The experience of successful modernization (for example, in some Asian countries) shows that a long planning horizon played a big role here. In other words, in the process of modernization the elite should have long-term interests and the confidence that the interests of business will be protected by the state. Secondly, it is important to support and disseminate informal values of development – in the education system, the army, and the media. If these conditions are taken place, Russia has a chance for the future, albeit remote, beyond the short and even medium-term outlook. And then, with the adoption of a long-term development orientation, Russia will be out of the rut of dependent development.

Keywords: human capital, informal institutions, cultural capital, economic development.

About author:

Aleksandr A. AUZAN, Dr. Sci. (Economics), Professor, Dean of the Economics Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105